

VOGUE

VOGUE IN RUSSIA

SEPTEMBER \$4.00

BIGGEST
FASHION
ISSUE

THE
NEWS
IS
COLOR

500+
CHOICES
FOR FALL

Copyright © 2012 Condé Nast

MUSIC Dmitri

Hvorostovsky is making the move from Siberia to opera stardom, finds DAVID DANIEL

When Dmitri Hvorostovsky sings, his voice, technique, and personality all conspire to make you think he isn't doing anything especially difficult or unusual. Of course, that's a dead giveaway that he is doing everything a performer possibly can. In a few seconds he convinces you he has about the most beautiful and accomplished baritone voice you've ever heard and that he may be the handsomest man onstage today. His performance is so transparent and gracefully integrated that you cannot isolate a single one of its effects and ascribe it to his talent, his training, or the air of danger that envelops his physical presence. He is equal parts artist and star, both of the first brilliance. At twenty-seven, an age when most people have barely attained

a set facial expression, he is the hottest ticket in opera.

Hvorostovsky was born and reared in Krasnoyarsk, Siberia, where he studied music from childhood with his father and at the local music school. At twenty he went to the conservatory, where he studied with Jekatherina Yofel. In 1986 he joined the Krasnoyarsk Opera as a soloist. Although he won important prizes in 1987 and 1988 and had appeared in New York earlier in 1989 as a member of a group of Russian singers, it was not until June of that year, when he won the BBC's Cardiff Singer of the World Competition, that he became widely noticed in the West. The Wales competition was broadcast on television in the British Isles, and a videotape found its way to New York. The tape—or a copy of a copy—circulated and circulated and circulated within New York's music world; it was even written about twice as a noteworthy phenomenon.

When Hvorostovsky made his New York debut at Alice Tully Hall in March, he did not employ—did not need—a press agent to publicize his concert. By the time he appeared, the grapevine publicity generated by that videotape had escalated to proportions not seen since such debuts as Franco Corelli's and Luciano Pavarotti's. Hvorostovsky not only fulfilled the expectations roused by gossip, he raised new ones.

You can never predict from someone's public persona what his offstage personality will be. But when I met Hvorostovsky and his wife, Svetlana, a ballet dancer, for lunch the day after his Alice Tully Hall debut, I was even more surprised than I'd expected. He had looked immense onstage, but he's not quite six feet tall. He's a big guy but not at all imposing; indeed, he's as wide-eyed as a Little Leaguer just in from the suburbs for the first time. (Which is not as surprising as you might think. Despite his recent success and fame, Soviet bureaucrats have not yet permitted him a home in Moscow or Leningrad. He still lives in his little hometown in Siberia.) When I congratulate him on the success of his recital, he shrugs and says, "*Spasiba bolshoi*," in the manner of a rodeo cowboy digging his heel in the dirt and saying, "Aw, shucks."

I ask what was the most difficult thing for him to overcome on his path to a career. Immediately he replies, "Giving up women. By the time I was in my teens I only ever thought about two things—sing- ▶ 438

VOGUE ARTS

MUSIC

ing and women, not necessarily in that order. My mother used to call me the Rooster." Was that, I ask, because of his obsession with women? "No," he says. "She called me that because they could never shut me up. She said I was always crowing at the top of my lungs. Drove everybody crazy." Hvorostovsky explains that when he was seventeen, one of his voice teachers took him aside and told him what was what. "He said it was time to get serious. Said I couldn't stay on the prowl twenty-four hours a day and still have the time to develop as an artist. But I'm happily married now, so I'm a lot calmer."

I ask if he's short-tempered. "You could say so," he says. "When I'm on the stage, I have to rein everything in and keep it under control for the expressive purposes of the music. But off-stage, sometimes, when things bother me a lot, I might just look

"By the time I was in my teens I only ever thought about two things—singing and women"

for a fellow human being to take a swing at." He laughs. That last remark, he adds, was a joke.

Since his career is only a few years old, I wonder if he still has fears about going onstage. "I love performing," he says, "and I trust my voice and my technique. But I do worry about forgetting the words. Thank God I've never forgotten the tune. When I was in the competition in Wales, I was singing a Rachmaninoff piece and just suddenly forgot every single word.

Well, I thought, nobody here knows Russian, so I'll just keep on vocalizing, as if I know what I'm doing. I'm very nearsighted—can't see more than a foot ahead. But to my horror, all of a sudden my vision sharpened and I could see sitting right there in the middle of the judges' row the famous Bolshoi diva Irina Arhipova. She was looking straight at me, and her face turned into a slab of granite. I felt like someone in one of those single-engine airplanes flying straight into a cliff." His face darkens as he tells this story. Then he brightens and laughs, "But I got away with it."

Obviously. His first recording of Tchaikovsky and Verdi arias on the Philips label has just been released and can scarcely fail to be a hit. He's making his Carnegie Hall debut on November 4 and will sing again on November 11 in Alice Tully Hall as part of a gala in celebration of Richard Tucker. Then he begins a string of operatic debuts: in Venice and Paris as Eugene Onegin, in *War and Peace* in San Francisco, *I Puritani* at Covent Garden, and as Rodrigo in *Don Carlos* at La Scala.

Now that he's on the threshold of major international stardom, does he wonder how his life might change? "I worry about losing my freshness," he says, "my spontaneity. I love singing, and I always sing straight from the heart. I always want to feel I'm bursting to sing. But you can't operate on that emotional level day in and day out. You have to let technique and skill take over or you'll be wrung out every night like a damp dishcloth. I just want to stay fresh and eager to sing." Hvorostovsky pauses. He cuts off a three-inch slab of steak, munches awhile, then washes it down with a swig of Heineken. I tell him I don't think he needs to worry about anything just yet. ● VOGUE ARTS ► 448

Дмитрий Хворостовский на пути из Сибири к оперной славе, считает Дэвид Дэниел

Когда Дмитрий Хворостовский поёт, его голос, техника и личность словно сливаются, заставляя думать, что он не делает ничего особенно сложного или необычного. Конечно, это явный признак того, что он делает всё, на что только способен исполнитель. За считанные секунды он убеждает вас, что у него, пожалуй, самый красивый и совершенный баритон, который вы когда-либо слышали, и что, возможно, сегодня он самый красивый мужчина на сцене. Его исполнение настолько прозрачно и изящно целостно, что невозможно выделить какой-то один его эффект и приписать его его таланту, подготовке или той атмосфере тревожности, которая везет от его физического присутствия. Он в равной степени артист и звезда - и в том, и в другом он блистателен. В двадцать семь лет, когда большинство людей только обретают своё лицо, он - самый востребованный оперный певец.

Хворостовский родился и вырос в Красноярске, в Сибири, где с детства занимался музыкой под руководством отца и в местной музыкальной школе. В двадцать лет он поступил в консерваторию, где учился у Екатерины Иофель. В 1986 году стал солистом Красноярского оперного театра. Хотя в 1987 и 1988 годах он получил важные награды и уже в начале 1989 года в составе группы российских певцов выступал в Нью-Йорке, широкую известность на Западе он приобрёл лишь в июне того же года, выиграв конкурс Би-би-си "Певец мира" в Кардиффе. Конкурс в Уэльсе транслировался по телевидению на Британских островах, и видеозапись попала в Нью-Йорк. Эта запись или копия копии копии распространялась и распространялась в музыкальных кругах Нью-Йорка; о ней даже дважды писали как о необычном факте.

Когда Хворостовский дебютировал в Нью-Йорке в Элис Талли Холл в марте, он не прибежал - да и не нуждался - к услугам пресс-агента для рекламы своего концерта. К моменту его появления слухи, разлетевшиеся благодаря той видеозаписи, достигли масштабов, невиданных со времен дебютов Франко Корелли и Лучано Паваротти. Хворостовский не только оправдал ожидания, разжигаемые слухами, но и породил новые.

По публичному образу человека никогда нельзя предсказать, каким он окажется вне сцены. Но встретившись с Хворостовским и его женой Светланой, балериной, за обедом на следующий день после его дебюта в Элис Талли Холл, я был удивлён даже больше, чем ожидал. На сцене он казался огромным, но на самом деле его рост чуть меньше шести футов. Он крупный парень, но совсем не внушительный; на самом деле, у него широко раскрытые глаза, как у мальчишки из детской бейсбольной лиги, впервые приехавшего из пригорода. (Что не так удивительно, как можно было бы подумать. Несмотря на его недавний успех и славу, советские чиновники до сих пор не разрешили ему обзавестись жильем в Москве или Ленинграде. Он по-прежнему живёт в своем маленьком родном городе в Сибири.) Когда я поздравляю его с успехом концерта, он пожимает плечами и говорит: "Спасибо большое", как ковбой на родео, шаркая каблуком по земле, говорит: "Да ерунда".

Я спрашиваю, что было для него самым трудным на пути к карьере. Он тут же отвечает: "Отказаться от женщин. В подростковом возрасте я думал только о двух вещах - о пении и о девушках, не обязательно в таком порядке. Мама называла меня Петушком". Спрашиваю, это было из-за его увлечения девушками. "Нет, - отвечает. - Потому что меня невозможно было

заставить замолчать. Она говорила, что я всегда кричал во все горло. Сводил всех с ума". Хворостовский рассказывает, что, когда ему было семнадцать, один из его преподавателей вокала отвел его в сторону и объяснил, что к чему. "Он сказал, что пора становиться серьезнее, что нельзя двадцать четыре часа в сутки быть в поисках развлечений и при этом находить время для развития как певец. Но теперь я счастливо женат, так что стал гораздо спокойнее".

"В подростковом возрасте я думал только о двух вещах - о пении и о девушках"

Спрашиваю, не вспыльчивый ли он. "Можно и так сказать", - отвечает, - На сцене мне приходится сдерживаться и держать всё под контролем ради выразительности музыки. Но вне сцены иногда, если что-то сильно меня раздражает, могу найти на ком сорваться. Последнее замечание, - со смехом добавляет он, - было шуткой".

Поскольку его карьера только начинается, спрашиваю, испытывает ли он страх перед выходом на сцену. "Я люблю выступать, - отвечает он, - и доверяю своему голосу и технике. Но я действительно боюсь забыть слова. Слава Богу, мелодию я ещё ни разу не забывал. Исполняя на конкурсе в Уэльсе романс Рахманинова, я вдруг забыл абсолютно все слова. Ну, думаю, здесь ведь никто не знает русского, так что буду просто продолжать петь со знанием дела. Я очень близорук, не вижу дальше, чем на тридцать сантиметров. Но, к моему ужасу, вдруг зрение обострилось, и я увидел в жюри сидит знаменитая прима Большого театра Ирина Архипова и смотрит на меня с каменным лицом. Я почувствовал себя пилотом одномоторного самолета, летящего прямо на скалу". Рассказывая это, он мрачнеет, затем оживляется и смеётся: "Но я выкрутился".

Разумеется. Его первый альбом с ариями Чайковского и Верди, выпущенный лейблом Philips, только что появился в продаже и, без сомнения, станет хитом. 4 ноября он дебютирует в Карнеги-холл, а 11 ноября снова выступит в Элис Талли Холл в рамках гала-концерта в честь Ричарда Такера. Затем его ждёт серия оперных дебютов: в Венеции и Париже - в партии Евгения Онегина, в опере "Война и мир" в Сан-Франциско, в "Пуританах" в Ковент-Гарден и в партии Родриго в "Дон Карлосе" в Ла Скала.

Теперь на пороге большой международной славы, задумывается ли он о том, как может измениться его жизнь? "Я боюсь потерять свою свежесть, - говорит он, - свою непосредственность. Я люблю петь и всегда пою от всего сердца. Мне всегда хочется чувствовать, что я просто горю желанием петь. Но каждый день невозможно на таком эмоциональном уровне работать. Нужно позволить технике и мастерству взять верх, иначе каждый вечер будешь выжат, как мокрое полотенце. Я просто хочу оставаться свежим и полным желания петь". Хворостовский делает паузу, отрезает трехдюймовый кусок стейка, некоторое время жуёт, запивая его глотком "Хайнекена". Я говорю ему, что, по-моему, пока ему беспокоиться не о чем.

Перевод с английского Н.Тимофеева